

Яковлев и бес. Записки из коктебеля редакторский спецвыпуск

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Яковлев и бес. Записки из коктебеля редакторский спецвыпуск

ЯКОВЛЕВ И БЕС. ЗАПИСКИ ИЗ КОКТЕБЕЛЯ

РЕДАКТОРСКИЙ СПЕЦВЫПУСК

Я хотела этот рассказ назвать «Заметки из Коктебеля. С Яковлевым и без», но Яковлеву не понравилось. И тогда я предложила другой вариант: «Яковлев и бес. Записки из Коктебеля». Яковлев заулыбался и одобрительно закивал.

- Дом Гули

Лев Яковлев повёл на этот раз не в Лисью бухту, а на улицу Грина. Наш маршрут пролегал через безжизненные горы, впереди совершала восхождение одинокая девушка. Мы её спросили, не идёт ли она туда же – на улицу Грина, девушка недоумённо оглядела местность и ответила, что даже не предполагает, каким образом здесь может оказаться какая-либо улица. Но Яковлев не унывал и убеждал нас следовать за ним. «Вы же знаете, я всегда куда-нибудь выведу», – говорил Яковлев. И мы медленно и устало тащились за ним, как евреи за Моисеем.

Мы добрались, но джазовый концерт на улице Грина перенёсся на два часа позже. Нам гостеприимно предложили переночевать в японском домике. Настоящем треугольном японском домике с умиротворяющим садом.

В главном доме висела люстра из цветного стекла, находились уютный камин и диваны. На стенах висели чудесные картины: вернисаж лучших художников Крыма. Во дворе рос виноград, и нас ждала настоящая чайхана на веранде.

Хозяйка усадьбы на улице Грина – Гуля. Атмосфера у Гули самая

что ни на есть волошинская: хаотично распределившись по гостеприимному дому, сновали туда-сюда творческие люди.

Я рада, что Яковлев нас туда завёл, хотя мы так и не попали на джазовый концерт. Зато нас угостили виноградом. И мы увидели своими глазами, что в суровых киммерийских горах есть улица Грина. И даже японские домики и сады.

- Фая и Венечка

Оказывается, в номере гостиницы вай-фай тоже работает, а я, как полная психопатка, провела час у бассейна, на морозе, с охрипшим голосом.

Фая сегодня много рассказывала про всех интересного: кто из-за какой писательской сволочи покончил жизнь самоубийством или сошёл с ума. И я сказала, что мужчин нельзя любить, их надо угнетать и истязать, пусть они плачут и страдают, а не мы... такие красивые, талантливые, умные, замечательные... Про нас, женщин, можно говорить хорошее бесконечно. Тем более нельзя влюбляться в писателей. А если в поэта – то вообще крышка.

Фая рассказала, как она познакомилась с Венечкой Ерофеевым в первый раз. Замечу, что многие поэты знакомились со мной раза три, каждый раз приговаривая: «Такая интересная девушка. Я вас раньше не видел». Так много раз знакомился со мной поэт Герман Власов. И поэт Евгений Чигрин.

Фая – красивая, молодая – бежала на поезд, который вот-вот отойдёт. Бессовестно опаздывала. У неё на ногах – босоножки на огромных платформах. Мужики вслед говорили: «Эта на ходулях не успеет». А Фая разбежалась и запрыгнула в поезд, как грациозная лань, в последний вагон. Эту сцену наблюдал из окна писатель Венечка Ерофеев. И, конечно же, он, движимый туманными желаниями, захотел эту прыгучую девушку найти, ему было удивительно, что она, которая никак не могла успеть, успела... На его глазах свершилось волшебство. Венечка бродил по вагонам, заглядывал в каждое купе и не находил девушки. А Фая предусмотрительно сменила чёрную куртку на красную, вернее, куртка была двусторонняя. И ещё Фая надела на голову капюшон, погрузившись сразу в чтение книги.

Венечка потом долго вспоминал в беседах с друзьями, что видел однажды настоящее и чудесное видение – прекрасную девушку-китайку на ходулях, которая запрыгнула в отходящий поезд, а потом таинственно исчезла, растворилась, рассеялась.

- Встреча в кафе «Московское»

Поесть мы любим в кафе «Московское». Вчера официантка заметила, что мы, писатели, как одна большая семья, одни приходят, другие уходят, и размножаемся мы, как тараканы. Ёжик, оказывается, затаил на нас с Санией обиду за то, что мы как-то зимой, по дороге из Литинститута, купили ему картошку в Макдональдсе, и он за это решил отомстить нам и оплатить наш ужин в кафе, мы с Санией тут же сообразили, что надо бы наладить выгодный бартер, и пожалели, что мы тогда не купили Ёжику ещё и чизбургер. И сегодня мы пришли, а там – драматурги, и мой «любимый» Олег Михайлов, который очень возбуждённо меня встретил, стал показывать всем каталог липкинских писателей (с собой носит) и называть меня Якушкиной. Видимо, Михайлов хотел поиздеваться над тем, что мою фамилию исказили. А что я сделаю, это всё Сенчин, «великий редактор и составитель» липкинских сборников, не умеет фамилии копировать и вставлять.

Олег начал задавать мне издавека по этому поводу вопросы, на что я ответила блистательно: «Я плохо слышу, и, если вы, Олег, хотели мне что-то сказать, то подойдите и скажите». И он не подошёл. Конечно же, не подошёл, ведь он невоспитанный. Мы сидели за разными столами, как два враждебных драматургических лагеря.

Я выпила три стаканчика портвейна и, уходя, решила протянуть руку мира. Никто не ждёт, а я протяну. Олег дружелюбно взял у меня автограф. Я написала ему: «С любовью!». Олег ещё раз спросил, почему исказили мою фамилию. Я ответила, что я не сержусь на то, когда ошибаются другие, потому что сама часто ошибаюсь и путаюсь в фамилиях. И Филатов, руководитель фонда, извинился передо мной публично. Михайлов всем тогда торжественно сообщил, что испытал оргазм. И спросил, не хочу

ли я получить его автограф на моём экземпляре каталога. Признаться, мне польстил бесконтактный оргазм Олега Михайлова.

- Слава не танцует на столе

Слава Харченко сделал вывод, что я лидер, а потому подавляю мужчин. И почему-то начал говорить, что он бы пристал ко мне, но его желание крайне вялое... Не знаю, почему подавленные мужчины чувствуют себя обязанными приставать ко мне. Я всего лишь заметила, что Слава как мужчина мог бы и развлечь двух дам беседой. И началось: «Что мне, на столе танцевать?» И я грустно констатировала факт: «Слава не танцует на столе». «Хорошее название рассказа. Дарю», – поддержал Слава. На что я ответила, что не гордая и возьму... Тем более, я сама его придумала.

Правильно Светлана Василенко говорит про этих писателей: «Они забыли, что у них в штанах».

Но, между прочим, мне иногда встречаются мужчины, которые умеют относиться к женщине, как к женщине, и я себя с такими ощущаю без всяких проблем хрупкой и нежной, мне это приятно... Забота, снисхождение...

Вчера не получилось кататься на лошади, а завтра конная прогулка состоится. Сначала мы будем двигаться медленным шагом, потом плавно перейдём в галоп, затем – в рысь... Я боюсь рысью. Но мне сказали, что главное – не показывать лошадям страха.

- Я не хотела рысью. Конная прогулка

Я не хотела я рысью, о чём прямо заявила. И не было никакого плавного галопа, а сразу началась рысь. Девушка впереди меня упала с лошади. Но быстро вскочила и заявила, что опять галопом согласна. И мы двинулись... в сторону кладбища. А до этого туристы с часовой экскурсии без галопа возвращались, и все стонали. И инструктор говорит, мол, хватит стонать, сейчас эти три отважные девушки поедут на двухчасовую с половиной экскурсию рысью. Стало страшно.

Мне дали не коня, а кобылу Маню. Маня оказалась спринтером.

Выдавала 70 км в час, легко перепрыгивала канавы, метр в высоту брала. Я ощутила себя ковбойшей с Дикого Запада. У меня горы в глазах плыли, будто я алкоголя через край бахнула.

Инструктор же настраивал на эротический лад. Сообщил про седло-вибромассажёр и как им правильно пользоваться. А ещё он так галантно яблоки в руки мне вложил, так многозначительно, чтоб я лошадей покормила. А потом моё ожерелье крайне заботливо под майку спрятал...

Мы посетили Султанские купанья, каменные ванны в горе. И почему-то все нас обвиняли в том, что мы комаров с собой привезли. Наверное, это местный обычай. «Эй, туристы! Опять комаров с собой привезли?»

Экскурсовод всю обратную дорогу рассказывал, как одна женщина два дня назад расчёску в ладонь вогнала, а один мужчина родео устроил, а другую женщину двое суток искали в степи... И сам он весь порвался, показал в качестве доказательства многочисленные шрамы.

В конце нас ожидали закат и голубые горы... Бонусом нам устроили джип-сафари на «Ниве». Предложили остаться навсегда. Но мне нужно было в ресторан «Крым» на банкет, где Союз российских писателей устроил нашу судьбу с Санией Шавалиевой, посадил нас рядом с писателями-мужчинами из-за границы, и теперь я в Германию еду, а Сания – в Финляндию.

- День рождения М.Г.

Вчера отпраздновали день рождения Максима Гликина. Максим праздновал свой день рождения в компании, где его почти никто не знал. Сначала мы выпили за Германа Власова, а потом Власов исполнил два стихотворения, посвящённые Вячеславу Харченко. Что-то про бутылку-лекарство, который Харченко несёт по пляжу, утопая в песке... К счастью, стихотворения о Харченко закончились, хотя Герман умолял принести ему нетбук, и мы перешли к поздравлению Максима. Ели бастурму из Армении.

Оказалось, что Максим прекрасно играет на гитаре, и такие песни красивые и непростые. Мне больше всего про асфальт понравилась. А сначала он спел шуточную песню про Харченко,

переделку песни Высоцкого «Песня о друге» («Если друг оказался вдруг» и т. д.) на украинском языке, и, надо сказать, она мне очень пришлась по душе... Яковлев пошёл купаться нагишом с Максимом, после чего Яковлев вернулся подозрительно больной и красный...

В соседнем эллинге тоже отдыхала компания, и выяснилось, что хозяин – бард с многолетним стажем, настоящий крымский абориген. Владимир Быков. И именно он сочинил песню «А ты опять сегодня не пришла, а я так ждал, надеялся и верил». И слабал нам ещё много всякого... В это время пришли снизу, а мы сидели на террасе второго этажа, и предложили угли, если нам надо. Яковлев попросил поухаживать за ним и передать ему рыбу, и я иронично заметила: «Если мужчина не ухаживает за женщиной, то женщина – за мужчиной». И девушка Инга меня похвалила за ясный ум. Мне было приятно.

А потом я ушла, шла одна по тёмному Коктебелю, возле волн... И я не знала, куда идти. Меня не ограбили и вообще не цепляли. Чего-то грустно стало. Наверное, плохо, что я пошла одна, но не хотелось сидеть в той компании. Вот так бывает, весело, весело, а потом – бац! – и грустно. Не то что что там кто-то меня раздражал, не моё просто... Чувствовала себя чужой. Но я собралась и сказала, что хватит ныть и жалеть себя. И вроде полегчало. Хотя Максим чудесный. Классно играет на гитаре и поёт. Вечер был душевный...

- Мастер-класс

Мой рассказ «Огонь и Холод» обсуждали на мастер-классе от журнала «Дружба народов» и Союза российских писателей. Очень интересная развернулась дискуссия, как всегда. Светлана Чураева назвала мою прозу жирной. На что Лев Яковлев отпарировал, что жир надо как раз убирать, назвал себя страшным критиком. «Это невероятная пошлость, а не литература! Плохая попытка что-то создать!» – кричал, отчаянно жестикулируя, Яковлев. И зачитал самые «жирные» места. С выражением. «Очень красиво читал, у меня слеза по щеке скатилась», – заметил Леонид Бахнов. И все согласились, что

Яковлев прочитал очень жирно «жирные» места... Чем усилил эффект жирности, и всем понравилось, вопреки желанию Яковлева, что привело его в дикое неистовство. Он зачитал ещё пару мест – эффект такой же, только Леонид Бахнов кивал и говорил, что принял бы рассказ к публикации, но эти места частично убрал бы, правда, не все... Но лучше всех, очень-очень красиво и лестно высказалась Светлана Василенко, я даже записала: «Это не притча, а постмодернистский рассказ. Художественное открытие. Попытка сказочным языком и постмодернистским приёмом объяснить то, что происходит с людьми. Надо ещё писать, чтоб была книга. Никто ещё не работал с прозой вчерашнего дня постмодернистским приёмом, но нужен прорыв, а не случайный рассказ». Назвала мой рассказ провокацией и сравнила с прозой Андрея Платонова, который использовал смешение низкого и высокого стилей в творчестве. Ещё сравнивали с Личутиным и ранним Сорокиным... А Санию нахвали Борхесом по-татарски.

- Фестивальная майка

Коровин, организатор Волошинского фестиваля, так и не выдал мне майку. И даже не продал. Говорят, есть люди, которые безнадежно ждут этой майки 7 лет. Я ему уже высказала, но Андрей Коровин – взрослый человек, я на него давить не буду. Бог есть, видит всё. Михаил Свищёв обещал свою снять с груди и отдать мне. Правда, он её уже залил коньяком. И вообще забыл.

- Натуралы в Тихой бухте

Мимо пляжей для натуралов Яковлев любит завести нас в Тихую бухту. Натуралы – это не такие, как я, а те, кто любит представать перед взором в натуральном виде. Мы быстро проскочили, стесняясь одежды, оделись мы все, как капуста... Пообедали шикарно рыбой, креветками, пиццей и куриной колбасой. И Яковлев всё время говорил, что любит приглашать к столу всех мимо проходящих. И никого так и не пригласил. Фая должна была спускаться к нам с гор с бутербродами, но что-то задерживалась.

Когда мимо проходили мужчина и женщина, мы их спросили, не

видели ли они женщину китайской внешности, спускающуюся с гор. Мужчину и женщину звали Слава и Любовь, и мы, конечно же, пригласили их разделить с нами трапезу.

Яковлев попытался ещё кого-нибудь позвать, чтоб доказать, что он не только болтает, но голый мужчина почему-то отказался к нам подойти. И вообще все голые натуралы отказывались. Мы для них слишком одетые.

Слава оказался литовцем, который живёт в Лондоне. Красивый, высокий блондин. Как раз такой, каких я люблю. И он отправился с нами к художнику Стасу, что живёт в Коктебеле на даче круглый год и рисует картины в стиле экспрессионизма, очень яркие, оптимистичные работы. По дороге к художнику мы брали с собой всех писателей, которые попадались нам по пути. И завалились мы к художнику огромной компанией.

Мы оказались в очень интересном месте, берлоге художника. Посмотрели выставку на природе, мастерскую. Леонид Бахнов представил меня как талантливого прозаика и драматурга. А Яковлев прокричал: «И еще она блогер! Она про всех гадости пишет!» «Да, и блогер, – согласился Бахнов. – Блоги из неё так и сыплутся». Говорят, Любовь нас покинула в тот момент, когда Слава мне вешал лапшу про то, как его обожают коты и собаки, а я восхищённо заметила, сидя у него на коленях, что это потому, что он очень красивый и обаятельный. Нахально отбила я парня у Любви из Харькова.

Я уже предвкушала томные постельные сцены, полные огня... И мы уже двигались в сторону гостиницы... Но... мы со Славой неожиданно нашли на помойке двух выброшенных новорождённых котят. Они были засунуты в носок и жалобно пищали. Один котёнок, серый, умер, а персиковый и чёрный выжили. Мы взяли по одному котёнку, я – чёрного, а Слава – персикового, согрели их в ладонях, и отправились искать им пристанище в Коктебеле, мы-то скоро уезжаем... И вообще не понимали, что мы делаем. Но Слава твёрдо решил: мы дадим котяткам шанс выжить.

Наши товарищи открестились от нас, только Яковлев попытался спросить у пары-тройки продавщиц, не знают ли они, где живёт только окотившаяся кошка. Одна продавщица ответила: «Как раз сегодня одна такая кошка заходила и спрашивала, нет ли котят

на предмет кормления».

Мы проблуждали часа два, и нам никто не хотел помочь. И я решила попросить, как все художники просили себе дачи, помощи у Макса Волошина. А Слава заметил, что это язычество, и если просить, то у Бога. И мы обратились вслух к Богу, а я ещё – к Максиму Волошину про себя. Ну, вдруг язычество до сих пор работает. И тут же нам добрые люди указали дом, где образовался стихийный кошачий приют в доме тёти Аси.

Мы отыскивали в темноте дом тёти Аси, там бегало полно кошек и собак, но всё-таки наших двоих приняли, и они сразу поползли к кошке греться. А я боялась, что они умрут в моих руках. Тётя Ася очень грустно вздыхала, глядя на новое внезапное поступление. Мы со Славой внесли материальный взнос в пользу светлого и сытого будущего спасённых котят, чтобы поднять ей настроение. Добрая тётя Ася не без гордости рассказала, что приюту активно помогает жена Эдварда Радзинского.

Пока мы искали котят-сироткам дом, мы страшно устали и разошлись по домам. Секс со мной опять не случился. Пришлось пожертвовать телесными утехами ради гуманизма. Вот так Бог сводит людей. Я думала, всё это было ради секса и любви, но оказалось, что Бог всего лишь задумал спасти жизнь двум маленьким котяткам...

• Восхождение

Начался день с того, что я проснулась и захотела сходить на могилу Волошина поблагодарить его за котят. Раз все ходят и просят что-нибудь важное у Макса, я тоже не лыся.

И вот мы с Санией совершаем торжественное восхождение... Я купила себе скромный завтрак: кусок мяса, картошку и малосольный огурец. А продавец хотел положить ещё лука, но я отказалась. «Что, целоваться будете?» – спросил продавец. «Надеемся, – ответила я. – Но не с нашим, видно, счастьем. Вот собрались просить Макса Волошина». Продавец посмотрел на меня с жалостью, оглядел с ног до головы, и сказал, что если я до вечера не найду, с кем целоваться, то он будет здесь работать до 6-ти утра. А потом ещё негр нам сказал, продавший

минералку, что мы хорошие покупательницы, мы ему гривну дали на чай, тогда он сказал, что мы не только хорошие, но и красивые...

Нам встретила пара с младенцем, они сказали, что в прошлом году тоже совершали восхождение, и ребёнок был ещё в животе.

На могилу принято приносить камни, найденные у моря. Саня по моему совету пошла на пляж и взяла камешек, правда, до самого моря не дошла, слукавила.

На днях я собирала камни после шторма, и Саня недоумевала, зачем это надо. Я насобирала целый пакет зелёных, коричневых, чёрных, белых и красных камней... Саня спросила: «Потащишь такой груз домой?» А я ответила: «Потащу. Ты не понимаешь! Это же давняя традиция – собирать камушки после шторма. Волошин здесь ходил, Гумилёв, Толстой... И все собирали. Мандельштму нравились простые серые камни. Он даже стихи об этом написал. А Цветаева гуляла с будущим мужем и загадала: «Если он найдёт сердолик и подарит мне, то стану его женой». И так и случилось».

Взобрались мы до половины горы, а там – летательные аппараты, не знаю, как эти шутки в виде парашютов называются. Нас зовут: «Идите, девчонки, покатаем!» Я говорю: «Мы летаем только бесплатно!» «Это секс стыдно за деньги покупать, а полёты – можно». «Тогда меняем полёт на секс». Инструктор задумался. А мы пошли дальше.

Встретили поэта Беликова, он уже совершил восхождение и возвращался. Беликов меня вспомнил, я его тоже. Пригласил на своё выступление, но я отказалась, потому что в 12 должна стоять на автовокзале и ждать автобуса в Феодосию. Тогда Беликов сказал, что уже почти 12. И правда – оставалось 15 минут.

И мы с Санией ринулись с горы назад. Я остановилась, поглядела на вершину, где находилась могила Волошина и попросила о своём важном, извиняясь, что не добрались до конца, крепко сжав сердолик в ладони.

Чтобы я успешно спустилась с гор, помощь предложила бабушка. Спортивная такая, но всё равно бабушка. Мне стало неудобно. Я говорю: «Да мне неудобно. Я же молодая». Осеклась, потому что

бабушку старой не хотелось называть. «Давай, слушай бабушку, ставь ногу сюда, сюда, вот так, и руку давай, да давай уже, молодая». Бабушка всесторонне меня унизила.

- Поездка в Феодосию

Я села на автобус в час, а не в 12. Но Яковлев всё ещё ждал меня под растяжкой «Винфест».

Винфест закончился, и Яковлев повёл в музей Грина смотреть местную художницу. Хорошая художница, но почему-то безумно дорогая, хотя и не сказала ничего такого дорогого в живописи. Незаметно мы очутились возле моря, где уже Фая, Светлана Чураева и Стас, местный исполнитель шансона, пили грузинский коньяк, заедая его арбузом.

Море в Феодосии тёплое, и я решила искупаться. Правда, до глубины долго идти. Волосы от ветра метались, как дикие кони. Жена Стаса заведовала пляжем и подошла к нам познакомиться. Такое чувство, что все отдыхающие, берущие на прокат у неё лежаки – это её родные. Кто-то новый подходил, она целовала вновь приходящих, ходила с ними купаться, потом опять возвращалась к нам.

Стас пригласил в ресторан, сказал, что исполнит для меня 12 песен. Про чертей в глазах, про Юлю, про вообще любовь всякую. Но Яковлев не дал сходить, и всё очернил, сказал, что Стас про всех женщин такое поёт...

Стас гениально изображал местных авторитетов, живых и покойных, и того Владимира Быкова очень точно изобразил, который в день рождения Максима Гликина к нам из соседнего эллинга заглядывал. И почему-то приревновал меня к этому Быкову. В общем, собрались мы и поехали к Генуэзской крепости, на автобусе «1а». Автобуса долго не было. «Может, этот нам подойдёт?» – нетерпеливо спрашивал всё время Яковлев. «Нет, только «1а», – в сотый раз отвечала Фая.

Подъехал белый пазик – и мы покатили. Яковлев начал говорить, что сошёлся со мной по причине нашей обоюдной резкости, и все думают, что он злой... Я сказала, что резкость – иногда полезное качество. Допустим, идёт за тобой ночью маньяк, и ты

чувствуешь спиной, что нагоняет уже, и ка-а-ак резко повернёшься и говоришь: «Вы чего за мной идёте?!» Весь автобус одобрительно засмеялся. Нужна резкость.

Ехали по старым улочкам, мимо магазина «Рыбацкий», мимо парка военного флота... На нашей остановке Фая отправилась лечиться к китайцу-иглоукалывателю, а Яковлев – в магазин за курицей. Пока мы ждали со Светой, наблюдали такую картину. Три девочки лет восьми пытались позвонить по телефону-автомату, и тут нагрянула старая и с виду вроде приличная женщина и как заорёт: «Какого хрена вы, проשמандовки, ломаете телефон?! А ну вон отсюда, а то ментов на вас вызову! Мондовощки! Проститутки! Шалавы!» И угрожающе, как страшная ведьма, в воздухе махала клюкой. Девочки всё поняли, повесили спокойно трубку и гуськом удалились. Яковлев вернулся, и я сказала, что он только что пропустил знакомство с особой, у которой нам всем ещё учиться и учиться резкости. Видно было, как опечалился Яковлев.

Нас ждала крепость. «Мимо, мимо, спешим», – приговаривал Яковлев. А нам со Светой всё хотелось. Заглянули в церковь, то ли нашу, то ли армянскую, там очень красиво пели. Я заслушалась. Потом – к Олегу.

Вот бы мне такой дом... Большой, на холме, с видом на море, с садом внутри, виноградом и собакой... Мы со Светой посетовали, что бы мы могли написать в таких условиях, глядя на море с балкона... Яковлев взял маску и повёл нас смотреть на море изнутри. Говорит, там травка, рыбки плавают, крабы ползают... Я не пошла, сидела на камне и наслаждалась закатом, кораблями на дальнем фоне, прибрежными камнями. А Света отважилась. Выныривает в восторге, объясняет, что испытала ощущение полёта. Будто летишь, а внизу жизнь копошится, и будто ты над этой жизнью властелин. Чуть краба не словила.

Явилась Фая печальная – её укусила собака. Наверное, та, что выбежала и на нас гавкать из прибрежных рыбацких эллингов, в которых хранятся катера. Яковлев взял в руки камень и стал искать собаку. И я взяла камень, чтобы, если что, отбить от собаки Яковлева. Хозяйева мудро позвали собаку домой и трусливо скрылись все вместе за забором. Оттуда кричали: «Да она у нас

хорошая, не кусается». Собака молчала и делала вид, что её нет. Мы утопили камни войны в море, тем более, что Фae стало лучше.

Яковлев начал готовить ужин: курицу с овощами, а мы со Светой и Олегом направились к старинной византийской церкви, которую, возможно, расписывал сам Феофан. Эту церковь спас от разрушения Олег, и теперь спасает там фрески с помощью местного олигарха. Олег открыл церковь, ввёл нас внутрь. Уже стемнело, поэтому мы вооружились фонариками. На стенах кое-где сохранились лики святых, изображение ада и кусочек рая... Олег очень интересно объяснял, пытался в наших душах поселить настоящую веру. Потом мы вышли, и он сказал, что он обычно говорит, что это церковь переворачивает жизнь, и назад пути нет, и он обычно всех предупреждает, а нас не предупредил. Мы должны были здесь оказаться, он так думает.

Долго эта церковь простояла закрытой... За стенами шумел густой камыш, и где-то далеко звенели колокольчики – это коровы возвращались с гор.

Уже за метров десять от дома Олега пахло курицей. Яковлев постарался, это было чудесное блюдо. Курица шкворчала на сковородке в окружении тушёной картошки, помидоров и перцев. Мы долго выбирали самые красивые перцы и помидоры на местном рынке.

Яковлев поставил перед нами со Светой огромную сковородку, выдал две вилки и сказал: «Нате, ешьте!» Счастливейший момент. Наверное, мы должны теперь со Светой породниться, раз ели с одной сковородки.

Такси приехало, правда, не к докам, а к рыбхозу... И мы опоздали на автобус в Коктебель, потому что Яковлев убеждал нас, что последний автобус в 21.10, а настоящий последний ушёл полчаса назад. На остановке обречённо сидели две девушки, которые тоже хотели бы добраться до Коктебеля, мы скооперировались и понеслись в ночь на такси...

- Запрыгнуть в последний вагон

На поезд в Москву я чуть не опоздала, вернее, я опоздала, но,

как Фая, впрыгнула в уже отходящий поезд. Мне помогла проводница, она быстро сообразила лесенку спустить. Пакет порвался, все вещи вывалились, коктебельские камни посыпались, и люди на перроне помогли мне всё быстро собрать и впихнуть меня в начавший движение вагон.

Мне пришлось через весь состав пилить на своё место. Шла я полчаса, тащив тяжёлый чемодан с сумками. Словно опять совершила восхождение в гору.

Все люди, которых я упомянула в рассказе, реальные и неоднократные участники Волошинского литературного фестиваля в Коктебеле. События тоже реальные, несколько обработанные художественно.

Об авторе: НАТАЛЬЯ ЯКУШИНА – редактор отдела драматургии (нечетные выпуски) в Литerrатуре

Прозаик, драматург. Закончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького. Участник форумов молодых писателей в Липках и ЦДЛ. Публиковалась в журналах «Юность», «Русский пионер», «Современная драматургия», в альманахах «Лёд и пламень», «Образ», в газетах «НГ-Экслибрис», «Литературная Россия», «Книжное обозрение», в различных сборниках. Лауреат «Волошинского конкурса» в номинации «Перевод с белорусского языка». Финалист конкурса «Нонконформизм». Автор сборника рассказов «Секреты Родины» (2018). Член Союза писателей Москвы и координатор литературных проектов в Национальной Ассоциации Драматургов. Организатор Международного драматургического конкурса «ЛитоДрама», семинара современной драматургии при «Школе современной пьесы» под руководством И. Райхельгауза и проекта «Читки в ШСП». Спектакль по блогам поставлен в Бресте («Жёлтый заяц», реж. Денис Фёдоров, вошёл в топ премьер в Беларуси) и в Лондоне в русско-английском театре в рамках фестиваля «Соло» («Хочу быть нормчелой», реж. Виктор Собчак), в Театре А. Джигарханяна («Волшебное платье», реж. Лариса Крупина). Участвовала совместно с другими авторами в создании спектакля «Фрейд» в

«Школе современной пьесы».

Наталья ЯКУШИНА. Некаýalar